

ВРАЧИ-ПАЛАЧИ, ЗУБЫ И ДАНТИСТЫ В РУССКОЙ ПРОЗЕ В. В. НАБОКОВА

Доктора, болезни, боли, в особенности зубные, дантисты – ряд этих мотивов неизменно появляется в каждом произведении Набокова.

Маленькому Лужину Набоков отдал «свою» платиновую проволочку для исправления прикуса; из-за впрыскиваний мышьяка от Лужина в его первую школьную зиму трогательно пахнет чесноком. Из-за проволочки на зубах ребенок «скалится», например, когда пишет по диктовку отца или на уроке французского. Дискомфорт, причиняемый инородным телом во рту, заставит мальчика даже первую шахматную партию, которую ему удалось подглядеть, запомнить с помощью «зубных» метафор: «Он видел затем, как черный король, выйдя из-за своих пешек (одна была выбита, как зуб), стал растерянно шагать туда и сюда» [2, 330].

Отец Лужина, сомневаясь в собственных шахматных способностях, а также из любопытства, усаживает сына за одну доску с «угрюмым доктором», причем делает он это «смеясь и потирая руки, всеми силами стараясь скрыть от себя, что поступает нехорошо» [2, 341].

Лужин только «изредка» замечает, что существует, и причиной этому является обычно какое-то недомогание — одышка или зубная боль. Уже другой доктор сыграет не менее важную роль в жизни повзрослевшего Лужина: посоветует ему отдохнуть в тихом месте, «чтобы было кругом зелено» [2, 362]. Лужину сразу представится нужный курорт, на котором ему суждено будет встретить будущую супругу. Визиту к доктору предшествуют дурнота, сердцебиение и странные мысли, а также чувство, «будто мозг одеревенел и покрыт лаком» [2, 362]. Лужин словно начинает превращаться в лакированную шахматную фигуру, и в данном случае совет доктора становится спасительным. Лужин, загнанный в лабиринт замкнутого круга, подавлен невозможностью решить страшную загадку и придумывает зубную боль как объяснение своему странному настроению. Его жена, неспособная понять истинную причину поведения мужа, предлагает единственно верный, по ее мнению, метод лечения — поход к дантисту. Лужина чрезвычайно пугает такая перспектива, ведь для него визит к доктору означает смерть — доктор-палач возьмет реванш за ту партию, которую маленький вундеркинд выиграл у его сумрачного коллеги: «Он почувствовал, что сейчас разрыдается, слишком уж становилось все это страшно» [2, 451]. Однако жена настаивает на своем и начинает уговаривать Лужина, как ребенка: «Чего не надо?.. К дантисту не надо? Нет, Лужина к дантисту поведут. Это нельзя запускать» [2, 451].

Жена знает, что зубы — больное место Лужина, и умело манипулирует его слабостями. Когда Лужин во время семейного обеда предлагает невесте уединиться, что в глазах всех окружающих выглядит как недвусмысленный

намек, а для Лужина является необходимой защитной реакцией, невеста ловко кладет на тарелочку Лужину немного «чудесного малинового варенья» и сразу начинает действовать «эта клейкая, ослепительно красная сладость, которая зернистым огнем переливалась на языке, душистым сахаром облипала зубы» [2, 403]. Еще во время первой встречи Лужин улыбался будущей жене своей асимметричной кривой улыбкой — «справа губа обнажала плохие, прокуренные зубы, и другой улыбки у него не было» [2, 378]. Возможно, именно за такие «недостатки», за «ущербность» полюбит Лужина будущая жена, и вскоре красивый по общим меркам «белозубый, с сияющими карими глазами» мужчина покажется ей просто «противным» [2, 426].

Лужину иногда снится кошмар, в котором он клянется доктору с агатовыми глазами, что не играет в шахматы, что он только иногда расставляет фигуры на доске — да и это происходит не по его вине, а является одним из ходов загадочной комбинации. В чередке бесконечных повторов реальность путается: фотограф, который поворачивает голову Лужина во время съемки, вдруг превращается в дантиста, причем этот переход происходит настолько плавно, что Лужин не замечает подвоха: «...Фотограф брал его за подбородок, поворачивал ему чуть-чуть лицо, просил открыть рот пошире и сверлил ему зуб с напряженным жужжанием. Жужжание прекращалось, дантист искал на стеклянной полочке что-то, и, найдя, ставил штемпель на паспорте, и писал, быстро-быстро двигая пером» [2, 456].

Доктор с неестественно блестящими глазами («дорогие камешки его глаз переливались и таяли» [2, 404]) внушает Лужину, что мир вокруг светел и свободен, и шахматы — всего лишь «холодная забава, которая сушит и развращает мысль» [2, 404]. Доктор буквально гипнотизирует Лужина, и его пациент соглашается с доводами, «таинственным образом тая, переливаясь и блаженно успокаиваясь» [2, 404]. Бдительность Лужина успокаивается, внимание притупляется, и он вовлекается в новый виток судьбы, осужден на новый повтор. Он попадает в кинематограф, где вниманию его представляется явление блудной дочери в родной дом, где ее «поседевший отец играет в шахматы с совершенно не изменившимся за эти годы доктором, верным другом семьи» [2, 423]. Тут Лужин чувствует неладное, начинает смеяться и утверждает, что такое положение фигур абсолютно невозможно. Но вскоре его внимание переключается с доктора, чудесным образом оставшегося молодым, на сентиментальную сцену раскаяния дочери — здесь Лужин окончательно расклеивается, и для него уже становится важна не столько партия двух фигур кинематографа, не столько неправильно расставленные шахматы, сколько воспоминание о себе, своем уходе из отчего дома и своем отце. Кинематограф сливается с реальностью, и Лужин снова пропускает важный ход. Только потом, когда на глаза ему попадет случайная вырезка из журнала с шахматной задачей, ему вдруг станет ясно что «никакого кинематографа нет... кинематограф только предлог... ловушка, ловушка...» [2, 460], что все происходящее является только композицией расчетливого «доктора

Валентинова». Все было затеяно для того, чтобы Лужин сделал следующий ход в кошмарной шахматной партии, однако теперь Лужин наконец понимает, как можно выйти из игры.

В романе «Камера обскура» зубная боль и дантисты также имеют место. В самом начале повествования, когда читатель знакомится с Бруно Кречмаром, ему предлагаются несколько историй из не слишком бурной добрачной жизни героя. Среди женщин, которыми в своей жизни обладал Кречмар, особенно запомнилась ему жена одного врача, которая была хороша собой, но при этом страдала «пренеприятной женской болезнью», а также русская дама «с чудесными зубами», которая оказалась носительницей вставной челюсти, вынимаемой на ночь. Таким образом, упоминание о докторах или плохих зубах уже несет отрицательный оттенок и ассоциируется с чем-то крайне неприятным. Макс, случайно подслушивая разговор Кречмара с Магдой, в это время копает кусочком спички в зубах.

Аннелиза, узнав об измене мужа, долго не может прийти в себя. Она вспоминает, что в последний вечер, не предвещавший беды, она поцеловала Кречмара в лоб – как покойника – и теперь ей все время кажется, что муж умер, а не бросил ее. Также на память приходят последние слова Бруно: «Нужно будет все-таки завтра об этом спросить доктора» [3, 301]. В картине мира Набокова появление доктора предвещает беду, но героиня, естественно, не подозревает об этом. Теперь же сыпь на руках дочери прошла, «но не было на свете такой мази, от которой стерлось бы воспоминание» [3, 301].

Впоследствии сама Аннелиза будет просить бонну позвонить доктору, узнав о недомогании Ирмы. Однако бонна не отнесется к болезни девочки серьезно. И снова упоминание о докторе сыграет роковую роль.

Когда Кречмар подходит к кровати своей только что умершей дочери, перед его глазами сразу всплывает «мертвое лицо, короткая бледная губа, обнаженные передние зубы, одного не хватало – молочного зубка, молочного» [3, 333]. Отсутствие молочного зубка – столь невинная картина, казалось, должна была тронуть сердце Кречмара, но его вульгарная красотка с «берлинским переливом речи» и «блеском белозубого рта» затмит этот образ. Кречмар предпочитает не замечать, как Магда порой отдается ему, «стиснув челюсти» [3, 316].

Поворотным моментом повествования станет отрывок из рассказа Зегелькранца, навеянного сценой в купе, где попутчиками писателя стали среди прочих «двое молодых французов» – «у одного из них была сильнейшая зубная боль, щека была повязана, он издавал сосущий звук, перекашивая рот» [3, 349]. Рассказ Зегелькранца посвящен походу некоего Германа к дантисту и в красках описывает, как зубная боль завладевает всем существом больного, о чем бы он ни мыслил – «о том ли, что у дантиста, к которому он идет, седины и ухватки мастера и, вероятно, художественное отношение к тем трагическим развалинам, освещенным ярко-пурпурным куполом человеческого неба, к тем эмалевым эректеонам и парфенонам, которые он видит там, где профан нащупает лишь

дырявый зуб; или о том, что в угловой кондитерской с бисерной занавеской вместо двери пухлая, но легкая, как слоеное тесто, продавщица (живущая в кисейно-белом аду, истыканном черными трупиками мух), которая ему улыбнулась вчера, изошла бы, вероятно, сбитыми сливками, ежели ее сжать в объятьях» [3, 353]. Зубная боль становится пыткой, кошмаром, и здесь Набоков не жалеет красок, создавая рассказ внутри романа. Боль, которую невозможно убить «ультрафиолетовым лучом разума», сравнивается с постоянным ощущением времени, «ибо в ней именно было что-то длящееся» [3, 353].

Наконец, главной изощренной пыткой над ослепшим Кречмаром станет незримое присутствие в доме Горна. Примечательно, что, нанимая кухарку, Горн называет себя врачом, приставленным к тяжело больному пациенту. В извращенном понимании садиста Горна такое распределение ролей как нельзя более отражает карикатурность ситуации.

В романе «Король, дама, валет» Марта и Франц ждут к ужину Драйера. «Король» запаздывает, и Марта уже начинает волноваться о том, что Драйер в этот момент находится в смертельной опасности догадливый читатель может понять по предварительно расставленным в тексте «зубным» намекам: служанка Фрида с утра «шалеет» от зубной боли, шофер Драйера словно невзначай демонстрирует «коричневые корешки зубов» [2, 207].

При описании Марты акцент делается на зубы, таким образом, подчеркивается хищность и плотоядность «дамы»: «– Я, значит, первый? – спросил он жадно. – Первый? Она, вместо ответа, скаля влажные зубы, медленно ущипнула его за щеку» [2, 197]. Гримаса на лице Марты во время ожидания мужа (которого они с Францем, кстати, готовы были до этого с радостью записать в покойники) напоминает звериный оскал: «Оскалившись, она прижимала к зубам стиснутые пальцы, отчего скулы у нее поднялись, а глаза сузились» [2, 212].

Впоследствии уже не Марта и Франц будут с напряжением вглядываться в темноту, ожидая приезда Драйера, не веря в осуществление собственных мечтаний, а Франц с Драйером будут сидеть в полутемной комнате, где за стеной умирает Марта. При этом Драйер вне себя от собственной беспомощности, ведь у него самого даже зубы никогда не болели и не бывало легкого насморка.

Появление «знаменитейшего» доктора опять же не сулит ничего хорошего: «– Я не очень доволен. *Pneumonia sicroposa*, – да таким галопом. – Да, – сказал Драйер. – Я уже вчера вечером был недоволен. У вашей супруги – странное сердце. – Да, – сказал Драйер» [2, 298-299]. Вскоре Марта умирает. Также, к примеру, в романе «Машенька» мы уже можем догадаться, что старика Подтягина ждет печальная участь – его посещает доктор, который «пробыл полчаса и, несколько раз издав сосущий звук, как будто у него была дырка в зубе, ушел» [2, 120]. До этого Подтягин, храбрясь перед Кларой, заверяет, что его припадок – пустяк и, шутя, предсказывает, что в России за Кларой обязательно бы ухаживал «земский врач» [2, 84]. Таким образом,

можно догадаться, что на отношениях Клары с Ганиным заранее ставится крест.

Самые, пожалуй, поэтичные строки набоковской прозы – первые строки «Лолиты» – также привлекают внимание к анатомии ротовой полости: для того, чтобы произнести имя героини, «кончик языка совершает путь в три шажка вниз по нёбу, чтобы на третьем толкнуться о зубы» [1, 7].

Лолита, пока еще подросток, уже готовится вступить в мир глянцевого журнальчиков, уже готовится показать свои зубки: чистка зубов – «единственное гигиеническое действие, которое Лолита производит с подлинным рвением» [1, 49].

Во время знаменитой сцены с яблоком Гумберт, чтобы как-то пояснить свое косноязычие (на самом деле он старается скрыть попытки «притереться» к загорелым ногам девочки), ссылается на зубную боль. В тот же день Гумберт узнает, что Лолиту, которую в своих тайных мечтах он уже полноценно «присвоил», забирают у него. Девочка, переживающая, вступление в половую зрелость, будто срывается с цепи, по мнению ее матери. Обуздание Лолиточки будет производиться с помощью «цепки» на передние зубы. Для объяснения мрачного настроения Гумберт снова говорит о зубной боли: «Зуб верно был коренной, громадный, с нарывом величиной с компотную вишню...» [1, 63]. В этот момент разговор переходит на дантиста – родственника «знаменитого драматурга», то есть Куильти, будущего соперника Гумберта в обладании нимфеткой.

Когда Гумберт находит письмо Шарлоты, он долго размышляет, стонет «сквозь стиснутые зубы», внезапно чувствует, как сквозь его искаженную гримасу брезжит «усмешечка из Достоевского» [1, 70]. Приняв решение, Гумберт не может дождаться Шарлоту, объяснение с ней видится ему зубом, который «следовало вырвать сразу» [1, 73].

Гумберт, как любой герой, вышедший из-под пера Набокова, обращает внимание на зубы других людей, делая при этом соответствующие выводы. Так, человек, которого во время партии в теннис Гумберт ошибочно принимает за своего дядюшку Густава Траппа, обладает «ровными, противно-маленькими зубами» [1, 241], а вот в муже Лолиты Гумберту очень нравятся «хорошие грустные глаза и очень белые зубы» [1, 281]. Однако Гумберт поначалу скрывает от читателей тот факт, что его собственные зубы – фальшивые. В страшных кошмарах Гумберт представляет себя «с расколовшимся или безнадежно потерянным зубным протезом» [1, 260], а готовясь нанести визит тому самому дантисту Куильти, вспоминает о перенесенной операции, после которой во рту почти не осталось передних зубов.

«Я люблю дурачить докторов» [1, 95], признается Гумберт, приобретая фиолетовые пилюли для подготовки к ночи в отеле. Гумберт иногда называет себя доктором («Медленным и ясным почерком злоумышленника я написал: Доктор Эдгар Г. Гумберт с дочерью» [1, 119]). Он вспоминает, что поначалу хотел стать психиатром, а также в свое время ухаживал за дочерью польского

доктора. Иронично звучат советы наставницы из Бердслейской гимназии о том, что Гумберту нужно попросить «домашнего доктора» объяснить девочке элементарные основы полового воспитания [1, 196].

Повествователь романа «Отчаяние» Герман составляет шутивную, на первый взгляд, сказочку об Игреке Иксовиче, в которой он словно в сжатой и вывернутой наизнанку форме рассказывает о любовном треугольнике Герман – Лида – Ардалион. Тут же Герман признается читателям, что писал эту незатейливую историю «с ужасом и скрежетом зубовным» [3, 463].

Глядя на свой портрет, написанный Ардалионом, Герман с досадой отмечает, что «вообще сходства не было никакого. Чего стоила, например, эта ярко-красная точка в носовом углу глаза, или проблеск зубов из под ощеренной кривой губы» [3, 430].

В конце романа, как обычно у Набокова не предвещая ничего хорошего, появится доктор. Доктор расскажет Герману о вопиющем, нечеловеческом происшествии в Германии – об убийстве человека ради страховки. Доктор не подозревает, что эта, казалось бы, безобидная тема для разговора вызовет у Германа истерику. Герман будет рыдать, утираясь грязным платком доктора, «сознавая отлично, даже холодно и с усмешкой сознавая», постыдность своего положения [3, 512].

В романе «Приглашение на казнь» рукопожатие палача напоминает рукопожатие доктора: «на какие-то полсекунды дольше, чем это бывает обычно, задержал в своей мягкой маленькой лапе ускользающие пальцы Цинцинната, как затягивает пожатие пожилой ласковый доктор» [4, 93]. Сравнение палача с доктором фигурирует на протяжении всего романа. М-сье Пьер разговаривает со своим «пациентом» в обычной манере доктора, так врач разговаривает с испуганным больным ребенком: «Вот глупыш, – сказал сверху м-сье Пьер, – как же я так могу... Я еще ничего не делаю» [4, 186].

С. Сендерович и Е. Шварц отмечают, что «дантист» у Набокова — это устойчивый синоним палача [5, 323]. В романе «Король, дама, валет» прямо указывается, что палач и зубной врач – одно и то же лицо, и что осужденный на казнь является «пациентом». Драйер представляет себе нелепую сцену смертной казни: «А вот и головорубка, – доска, деревянный ошейник – все честь честью. А рядом – американский стул. Зубной врач в маске. Пациенту тоже – маску на лицо, с дырками для глаз» [2, 265].

Доктором, тюремным врачом, представляется и Родриг Иванович, который выносит пациенту диагноз: «...Нервозны, как маленькая женщина» [4, 77].

М-сье Пьер, палач и по совместительству «лечащий врач» Цинцинната, призванный излечить пациента от преступной непрозрачности путем отсечения головы, обладает мощными челюстями и «великолепно оскаленной» челюстью; так, он показывает акробатические трюки, зубами схватившись за спинку стула. Однако зубастость на деле окажется бутафорской, и сконфуженному акробату придется отдирать от стула «вставную челюсть на шарнирах».

На пиру у отцов города звучит «удивительный афоризм» о том, что «жизнь есть врачебная тайна». Казнь «явно предощущалась им [*Цинциннатом* – Д.П.] как выверт, рывок и хруст чудовищного зуба, причем его тело было воспаленной десной, а голова этим зубом» [4, 87].

Таким образом, в творчестве Набокова большое внимание уделяется зубам, зубным врачам, описанию ротовой полости. При описании персонажей Набоков часто акцентирует внимание на зубах, а также на привычках, связанных с зубами, что дает дополнительную возможность характеризовать того или иного героя. Доктора в прозе Набокова появляются в качестве провозвестников беды. Дантист является синонимом палача, мучителя, операция по удалению зуба часто сравнивается со смертью.

Литература

1. Набоков В. В. Лолита. Ада, или Эротиада / В. В. Набоков. – М.: АСТ МОСКВА, 2005. – 870 с.
2. Набоков В. В. Русский период. Собрание сочинений в 5 томах / Набоков В. В. ; сост. Н. Артеменко-Толстой ; предисл. А. Долинина ; прим. М. Маликовой, В. Полищук, О. Сконечной, Ю. Левинга, Р. Тищенко. – СПб. : Симпозиум, 2009. – Т. 2. – 784 с.
3. Набоков В. В. Русский период. Собрание сочинений в 5 томах / Набоков В. В. ; сост. Н. Артеменко-Толстой ; предисл. А. Долинина ; прим. О. Сконечной, А. Долинина, Г. Утгофа, А. Яновского, Ю. Левинга, М. Маликовой, Р. Тищенко. – СПб. : Симпозиум, 2006. – Т. 3. – 848 с.
4. Набоков В. В. Русский период. Собрание сочинений в 5 томах / Набоков В. В. ; сост. Н. Артеменко-Толстой ; предисл. А. Долинина ; прим. О. Сконечной, А. Долинина, Ю. Левинга, Г. Глушанок. – СПб. : Симпозиум, 2009. – Т. 4. – 784 с.
5. Сендерович С, Шварц Е. Сок трех апельсинов. Набоков и петербургский театральный авангард / Савелий Сендерович, Елена Шварц // Империя Н. Набоков и наследники. Сборник статей / редакторы-составители Юрий Левинг, Евгений Сошкин. – М. : Новое литературное обозрение, 2006. – С. 293-347.

Анотація

Статтю присвячено розгляданню досить невисвітленої проблеми. У статті йдеться про важливість так званої "зубної" теми у прозі Набокова, а також розглядаються мотиви появи докторів в набоковській прозі. Зроблені висновки дозволяють судити про певну закономірність вживання цих мотивів у творчості письменника. Стаття проілюстрована переконливими прикладами, цитатами, що дають змогу судити про безперечну наявність вказаних мотивів в творчості В. В. Набокова, зокрема в його романах російського періоду.

Ключові слова: Набоков, доктор, дантист, хвороба, мотив, тема